

**АНДРЕЙ
ФУРСОВ**

МИРОВАЯ БОРЬБА АНГЛОСАКСЫ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Игры мировых элит

Андрей Фурсов

**Мировая борьба.
Англосаксы против планеты**

«Книжный мир»

2017

Фурсов А. И.

Мировая борьба. Англосаксы против планеты / А. И. Фурсов —
«Книжный мир», 2017 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0861-9

Новая книга Андрея Фурсова посвящена мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы. Центральное место в работе занимает проблема борьбы англосаксов за мировое господство и противостояние им России. Мировые войны двадцатого века, роль Великобритании и США в создании нацистской Германии, глобальная Холодная война, Ялтинский мир и послеялтинский хаосопорядок – вот основные темы издания. Среди вопросов, над которыми размышляет автор, следующие: в чем различие и сходство Первой мировой войны и Второй? Почему началась Холодная война? Почему для англосаксов Россия всегда была и останется врагом № 1? И самое интересное для современного читателя: каким будет мир в двадцать первом веке? Академик Фурсов утверждает: это будет мир борьбы – той борьбы, которая начинается сегодня сирийским и украинским кризисами.

ISBN 978-5-8041-0861-9

© Фурсов А. И., 2017
© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	6
Европейская система государств, англосаксы и Россия (предисловие к «Хрупкому балансу» Людвига Дехийо)[1]	8
I	8
II	10
III	12
IV	16
V	20
VI	22
VII	24
Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты (вместо послесловия к «Хрупкому балансу» Людвига Дехийо)[3]	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Фурсов
Мировая борьба.
Англосаксы против планеты

© А. И. Фурсов, 2017

© Книжный мир, 2017

Предисловие

В сборнике, который читатель держит в руках, представлены мои работы разных лет, посвящённые мировой борьбе (немцы отчеканили бы: Weltkampf) за власть, информацию и ресурсы. Прав Гераклит: борьба (война) – отец всего. Так вышло, что главной осью мировой борьбы двух последних столетий – со всей очевидностью после окончания Наполеоновских войн – является борьба англосаксов против России. Англосаксов – это Великобритания, затем к ней присоединились США. Но дело не только в государствах, в англосаксонских «кузенах», с которыми с конца XIX века, после столетия вражды, связан еврейский финансовый капитал – сначала это были Ротшильды и их компаньоны, потом добавились американские и некоторые иные контрагенты. Дело также в ориентирующемся на Англосферу финансовом капитале и закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, представленных почти до самого конца XIX в. масонством.

Именно в процессе борьбы с Россией в 1820-1830-е на Западе сформировался трёхглавый монстр, эдакий западный Змей-Горыныч: государство (Великобритания) – финансовый капитал (Ротшильды) – масонство. Головы Змея существовали как сами по себе, так и сливаясь, проникая друг в друга – нечто похожее на чудовище из фильма «The Thing» («Нечто»). Употребляя метафоры «монстр», «чудовище» я ни в коем случае не демонизирую этих врагов России, часть которых временами превращалась в нашего тактического союзника, – это когда головы начинали грызться друг с другом или когда рядом с «головой» – государством пыталась вырасти ещё одна (как минимум) государственная «голова». Однако в долгосрочном историческом, системно-стратегическом, цивилизационном и даже классовом плане, несмотря на эти моменты неискреннего союзничества англосаксов с исторической Россией, как бы она ни называлась, сохранялся характер противостояния, цель которого – окончательное решение русского вопроса. Как заметил Л. В. Шебаршин, Западу от России нужно одно – чтобы её не было.

Кто-то удивится – как же так: мы же европейцы, как и они; белые люди, как и они; христиане, как и они. Всё так. Но именно поэтому – европейцы, белые, христиане, – но не как они. Да, мы европейцы, но не западные (кстати, ни в коем случае нельзя отдавать Западу нашу европейскость, радостно вопя: мы – евразийцы, мы азиаты; Европ – несколько: античная, ромейская, западная/франкская и русская – северо-восточная); да, мы христиане, но православные, а не отколовшиеся по причинам политики и папской гордыни от ортодоксального древа католики и тем более не протестанты, эти максимально иудаизированные христиане. Что касается белого цвета кожи, то, во-первых, как показал опыт нацизма, западноевропейцы легче признают «почётными арийцами», т. е. белыми, японцев, чем русских, т. е. чужих. Русские – похожие, свои, а потому для западной Матрицы, для её хозяев в известном смысле хуже, чем чужие – они чуждые именно своей похожестью и в своей похожести; впрочем, хозяева Матрицы часто не вполне европейцы (по корням) и тем более не вполне христиане, иногда совсем наоборот – и это ещё больше усиливает чуждость и неприязнь. Во-вторых, вероятнее всего, очень скоро средний европеец перестанет быть и христианином, и белым – дело защиты европейских традиционных ценностей, христианства и белого генотипа, похоже, перемещается в Россию – несмотря, а возможно, и вопреки той ситуации, которая у нас складывается.

Впереди – борьба. Борьба за русских, за Россию, за европейские ценности, за то, чтобы не исчез белый генотип – у него не меньше прав, чем у иных генотипов и рас, мы – русские – за равноправие, мы не торговали рабами, не строили своё счастье на слезинке африканского ребёнка, не сталкивали в наркозависимость китайчонка и не расстреливали, привязывая к жерлам пушек, индийцев. Это не значит, что мы – добрые и пушистые, но мы живём в недобром мире и нож за голенищем сапога не помешает – уж больно «партнёры» ненадёжные,

мягко говоря. Ведь вещал же «наш друг музыкант» Бжезинский что-то вроде того, что мир XXI в. будет построен на руинах России, за счёт России и в ущерб России. «А не подавишься, Идолище?» – говаривал в таких случаях Илья Муромец. Впрочем, какое из злобного польско-еврейского политолога Идолище? Так, бесёнок с насморком. Но в данном случае устами бесёнка вскрываются планы тех, кто видит мир без России, а значит впереди борьба. И сборник этот посвящён истории борьбы между различными субъектами (или, как говорят учёные люди, «актерами») – государствами, капиталом, наднациональными структурами, главным образом – борьбе России с ними, хотя, разумеется, сводить всю мировую борьбу к противостоянию России и Запада было бы ошибочным преувеличением. В то же время Россия была и остаётся единственной державой, способной «уронить» коллективный Запад. В 1965-1975 гг. это едва не стало реальностью, однако глупость и предательство (уже тогда) части советского руководства, похоронившей блестящие проекты в области управления, энергетики и обороны, позволившие бы надолго, если не навсегда уйти в отрыв от Запада, и хитроумие определённой части западной верхушки («разрядка», «конвергенция», резкий взлёт цен на нефть) не позволили этого сделать – шанс был упущен. И сегодня именно не Китай, а Россия остаётся в глазах Запада главной угрозой, а способность русских подниматься и бить врага в самых тяжёлых условиях остаётся нашей главной «военной тайной», которую не могут и никогда не смогут разгадать буржуины и их российские холуи – для этого им нужно перестать быть буржуинами и холуями.

Считаю необходимым предупредить читателя о двух вещах. Во-первых, я писал статьи в разное время для разных аудиторий, и поэтому в более поздних статьях использовал фрагменты статей более ранних. В связи с этим в тексте сборника есть повторы. Устранять их я не стал, поскольку это нарушило бы целостность восприятия каждого из текстов. Во-вторых, сборник построен по хронологическому принципу, но по хронологии не времени написания той или иной работы, а событийно-исторической. Так, работа по механизму возникновения Первой мировой войны написана значительно позже статей по Второй мировой и Холодной войнам. Однако Первая мировая была раньше, а потому и текст о ней идёт раньше. В этом есть свои минусы, но и плюсы тоже. Как говорят наши заклятые друзья англосаксы, «every acquisition is a loss and every loss is an acquisition» – «каждое приобретение есть потеря и каждая потеря есть приобретение». Кстати, в их истории приобретений до сих пор было больше, чем потерь – так они расположили ось геополитической и психоисторической борьбы. Эту ось надо сдвинуть. Как? Очень просто. Изменив направление удара – самым неожиданным для противника образом, нанося безжалостный удар из Будущего. А для этого нам необходима наука о борьбе – махиология. Как руководство к действию, к которому обязывает знание.

А. И. Фурсов

Европейская система государств, англосаксы и Россия (предисловие к «Хрупкому балансу» Людвиг Дехийо)¹

I

Работа над книгой Дехийо – перевод, комментарии – начиналась в 2004 г., а завершается в 2005. На оба эти года приходятся важные исторические даты. Если говорить о 2004 г., то это год 90-летия начала Первой мировой войны; 150-летия первой русско-западной войны в рамках Крымской; 60-летия открытия «второго фронта», когда союзники СССР по антигитлеровской коалиции поняли, что русские и в одиночку дождут Третий рейх. 2005 г. – это год 60-летия победы СССР в Великой Отечественной войне, когда советский солдат сломал хребет Третьему рейху. Собственно, этому солдату и его Победе мы и посвящаем перевод «Хрупкого баланса» и комментарии к нему.

Все названные выше события имеют прямое отношение к борьбе за господство в Европе, которая развернулась с XVI века и окончилась в 1945 г. или даже в отрезке «декабрь 1989 г. (15 лет назад) – май 1994 г. (10 лет назад)», между мальтийской встречей Буша и Горбачёва, на которой первый и последний президент СССР, похоже, сдал Западу почти всё, что можно было сдать и поставил крест на ялтинском мироустройстве, и выводом российских войск из Германии под «изящные» взмахи палочкой не вполне крепко стоящего на ногах дирижёра Ельцина.

Со времён Карла V Габсбурга Европа стала превращаться в центр мира. С XVII века она уже обладала многими чертами ядра мировой капиталистической системы, и борьба за господство в этом ядре была, помимо прочего, борьбой за гегемонию в формирующейся мировой капиталистической системе. Правда, с появлением в XVIII в. новой великой державы – европейской по социо-культурной принадлежности и евразийской географически – России, исход борьбы за господство в Европе во многом стал определяться позицией России, которая в мировых войнах выступала на стороне морских англосаксонских держав (Великобритании и США) против их континентальных соперников (Франция, Германия). Отклонения от этого курса – например, сближение Павла I и Наполеона в 1800-1801 гг. и Сталина и Гитлера в 1939-1941 гг. – лишь подчёркивают указанную регулярность.

В любом случае, с середины XVIII века русский фактор стал одним из решающих в европейской политике, и дальновидные люди – Гиббон, а в начале XIX в. Наполеон, де Токвиль и другие заговорили о том, что в будущем судьбы Европы и мира станут определяться взаимоотношениями России и США, а Европа, так сказать, «закатится». Так оно и вышло. Когда в 1918 г. Шпенглер опубликовал свой «Закат Европы», она действительно уже «закатывалась». И хотя финал этого процесса наступил в 1954-1956 гг. под Дьен Бьен-фу и во время Суэцкого кризиса, в 1918 г. история уже предъявила Европе «чёрную метку». Точнее, от имени истории это сделали США, должником которых оказались европейцы, включая недавних гегемонов мировой системы англичан. После Второй мировой войны Европа вообще оказалась поделена на зоны влияния (по сути – протектораты) США и СССР и началась первая фаза – биполярная – постевропейской всемирной истории, окончившаяся уже на наших глазах в течение «пятилетки» 1989-1994 гг.

---

¹ Опубликовано в: Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М, Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 27–48.

2004 год, на который пришлось сразу несколько памятных дат борьбы за господство в Европе, великих противостояний в ней и по поводу неё – хороший повод вспомнить об этой борьбе, взглянуть на неё внимательнее.

II

О борьбе за господство в Европе написаны тысячи монографий и статей. В них анализировались отдельные периоды, отдельные войны или даже отдельные сражения, не говоря уже об отдельных лицах – полководцах, политиках, разведчиках. Есть замечательные панорамные работы, посвящённые отдельным векам (Европа XVI в., XVII в. и т. д.). Есть целые серии, охватывающие европейскую историю с позднего средневековья вплоть до наших дней; тома этих серий посвящены как эпохам, так и отдельным периодам – например, Европа в 1598-1648, в 1783-1815 или 1878-1919 гг. (многотомные общая, экономическая и военная истории Европы издательства «Fontana», цикл работ Э. Хобсбоума о XIX–XX вв., трёхтомное исследование Ф. Броделя о Средиземноморье в эпоху Филиппа II, исследование Б. Ф. Поршнева о XVII в. и многие другие). В них значительное место уделено борьбе за мировое и европейское господство.

Думается, однако, нашего читателя заинтересует не столько специализированное или ограниченное относительно узкими хронологическими рамками исследование, сколько максимально широкая панорама борьбы за господство, представленная в долгосрочной перспективе.

Есть два способа смотреть на реальность, в том числе историческую. Один – вид вблизи, при котором замечается масса мельчайших деталей. Это приносит моральное и профессиональное удовлетворение, ощущение владения материалом или даже власти над ним. Однако, как говорят англосаксы, *“every acquisition is a loss and every loss is an acquisition”* («каждое приобретение есть потеря и каждая потеря – приобретение»). Становясь «властелином» всё более мелких и мелких «колец» материала, исследователь рано или поздно оказывается в ситуации того, кто знает всё больше и больше о всё меньшем и меньшем.

Существует и иной подход – «вид с высоты». Именно так называется знаменитая книга американского фантаста (и биохимика по профессии) А. Азимова, опубликованная в 1964 г., (русский перевод – М.: Мир, 1965. 234 с.). В ней дан общий обзор ситуации в биологии, химии, физике и астрономии на конец 1950-х годов. При таком подходе, безусловно, упускаются из виду детали, факты, лица. Выигрыш, однако, очевиден – общая картина в целом с основными тенденциями. Именно целое определяет элементы, а не наоборот, ну а тенденции важнее отдельных фактов. Факты создают люди – исследователи, выделяющие из единого и цельного потока жизни (истории, развития) те или иные его части; при этом и выбор части, и её очертания, и само выделение как акт объективно зависят как от дисциплины, к которой принадлежит исследователь, так и от теории, которой он пользуется. Как пронизательно заметил Эйнштейн, увидите вы или нет то или иное явление (факт), зависит от того, какой теорией вы пользуетесь. О доле субъективизма я уже и не говорю.

Другое дело – тенденции, т. е. широкомасштабные и долгосрочные регулярности. Они существуют объективно (хотя и фиксируются абстрактно). Или, как минимум, их намного труднее «подделать», они обладают высокой сопротивляемостью как к субъектному, так и к «дисциплинарно-теоретическому насилию». Отсюда – по закону обратной связи: если в фактах, дискретных кусочках информации легко запутаться, то тенденции могут стать путеводной нитью. Мастер плавания в потоках информации и ныряния в её глубины – Аллен Даллес – так говорил об этом: *«Человек не всегда может правильно оценить информацию, но может уловить тенденции и сделать правильные выводы»*. Потому-то именно анализ тенденций всегда был главной задачей развития: *«Разведка – не для пожарно-справочных функций, – подчёркивают А. Г. Шаваев и С. В. Лекарев, – её предназначение – улавливать и обобщать тенденции»*. Предназначение науки – в том же.

Об истории борьбы за господство в Европе **в целом**, о долгосрочных тенденциях этой борьбы с позиции «взгляд с высоты» написано немало замечательных книг. Перечислить всё

или бóльшую часть невозможно, да и не нужно. Назову несколько наиболее известных и, на мой взгляд, наиболее интересных.

«Борьба за господство в Европе, 1848-1918» знаменитого английского историка А. Дж. П. Тэйлора (М., 1957); «Дипломатическая история Европы» А. Дебидура (М., 1947. Тт. 1, 2.); «Влияние морской силы на историю, 1660-1783» (М., СПб., 2002) и «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю» (М., СПб., 2002. Т. 1, 2.) А. Т. Мэхэна; «Морская война» Ф. Коломба (М., СПб., 2003), «История войн на море» А. Штенцеля (М., СПб., 2002. Т. 2.); «Хрупкий баланс: четыреста лет борьбы за господство в Европе» Л. Дехийо (Dehio L. "Precarious balance: four centuries of the European power struggle, N.Y., 1962; оригинальное немецкое издание – 1948); «Борьба за стабильность в Европе в раннее новое время» Т. Рабба (Rabb Th. The struggle for stability in early Modern Europe. Oxford, 1975); «Погоня за властью» У. Макнила (McNeill W. Pursuit of power. Chicago, 1982); «Военная революция: военные нововведения и подъём Запада» Дж. Паркера (Parker G. The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1986); «Длинные циклы мировой политики» Дж. Моделски (Modelski G. Long cycles of world politics. L., 1987); «Длинные циклы: процветание и война в современную эпоху» Дж. Голдстайна (Goldstein J. Long cycles: prosperity and war in the Modern Age. Yale, 1988); «О глобальной войне: историко-структурные подходы к мировой политике» У. Томпсона (Thompson W. On global war: Historical-structural approaches to world politics. University of South Carolina, 1988); «Насилие, капитал и европейские государства» Ч. Тилли (Tilly Ch. Coercion, capital, and European states, 990-1990. Oxford, 1990); «Взлёт и падение великих держав: экономические изменения и военный конфликт с 1500 по 2000» П. Кеннеди (Kennedy P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1988), «Щит Ахилла: война, мир и ход истории» Ф. Боббита (Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, peace and course of history. – N.Y., 2002) и ряд других изданий как на английском, так и на немецком и французском языках.

Читатель уже понял, что книги, названия которых даны и по-английски, не переводились на русский язык. Мы долго выбирали из них и наконец остановились на «Хрупком балансе» Л. Дехийо. Нам хотелось предложить читателю такую работу, которая охватывала бы несколько последних столетий, давала широкую, захватывающую панораму геополитической и военно-стратегической борьбы в Европе, чётко фиксировала тенденции и логику этой борьбы и в то же время не превышала бы трёх-четырёх сотен страниц. И чтобы автор был известный и сильный. Кроме того, хотелось бы со временем познакомить читателя со всеми этими работами, а потому логично начать с наиболее ранней из непереуведённых книг, представленных в списке.

III

Людвиг Дехийо родился в 1888 г. в Кёнигсберге, образование получил в Берлине и Страсбурге. В 1922 г. он начал работать в Секретном государственном архиве (Берлин), а в 1933 г. стал директором Архивов дома Гогенцоллернов. С 1946 по 1958 г. Дехийо служил директором Немецких государственных архивов в Марбурге-на-Лане, с 1948 по 1956 г. был главным редактором престижного журнала немецких историков «Historische Zeitschrift». Среди его работ – «Германия и мировая политика в XX веке» (1959) и «Хрупкий баланс» (1948/1962).

Сверхзадача «Хрупкого баланса» – показать, как и почему в середине XX в. Европа и мир пришли к ситуации раздела на американскую и русскую зоны влияния, когда Европа утратила не только свою доминирующую роль, но и просто самостоятельность в мировой политике. Логически, в известном смысле, речь идёт о геополитическом аналоге шпенглеровского «Заката Европы».

Книга Дехийо написана с характерной для немецкого склада ума, немецкой интеллектуальной традиции ясностью и чёткостью. Начав с возникновения системы государств в Европе (гл. I), учёный исследует основные фазы борьбы за господство в этой системе: при Филиппе II во второй половине XVI в. (гл. I), при Людовике XIV (вторая половина XVII – начало XVIII в. – гл. II), при Наполеоне (гл. III) и при двух немецких рейхах – Вильгельма II и особенно Гитлера (гл. IV).

В своей работе Дехийо предлагает простую и ясную схему перипетий борьбы за господство в Европе в последние 400 лет. По его мнению, с XVI в. в Европе начал складываться уникальный феномен – система государств. Впрочем, у общеевропейского процесса была репетиция в малом, узорегиональном масштабе – система итальянских городов-государств XIII–XV вв. с особой ролью островной («земноводной») Венеции. Однако именно камерный характер не позволил итальянской системе развиваться и она стала жертвой более крупных политических образований, как это произошло с античными полисами, завоёванными Филиппом II Македонским, отцом великого Александра.

Над возникающей европейской системой государств с самого начала нависла угроза – быть уничтоженной и поглощённой, превратившись в части общеевропейской империи Карла V Габсбурга, чьи владения превосходили по размеру империю Карла Великого. Замечу: по иронии истории, Средневековая Европа заканчивала, а Новая Европа начинала с того, чем заканчивала поздняя Античность и начинало Средневековье – с попытки общеевропейской империи. Империю Карла Великого подорвала феодальная система, империю великого Карла – складывающаяся система европейских государств. В известном смысле оформление последней можно рассматривать как восстание или даже национально-монархическую революцию против общеевропейской империи. В схватке этих двух принципов организации, двух типов систем и родилась новоевропейская история, получившая в момент рождения если не прививку от имперскости, то, как минимум, сильные генетически обусловленные импульс и волю сопротивления ей.

Дехийо, к сожалению, не разбирает подробно самого момента рождения, генезиса системы, который, как известно, определяет в основных чертах её дальнейшее функционирование и упускает из виду, что на исторических весах на чаше системы государств была тяжёлая гиря – формирующийся мировой рынок, адекватной мировой политической формой которой была международная – *international* – система государств (*nations*). Дехийо в целом проскакивает этот момент, уделяя основное внимание не Карлу V, а его сыну – Филиппу II и *sein Kampf* за господство в Европе с европейскими государствами, прежде всего – с Голландией и Англией. В этой схватке в своих основах оформилась западноевропейская модель борьбы за господство,

обладавшая несколькими структурными особенностями, отличиями. Наиболее важны из них следующие.

Первое. В борьбе за господство в Европе (и над Европой) друг другу противостоят континентальные и морские державы (последовательно: Испания (Габсбурги), Франция, Германия, с одной стороны, Голландия, Великобритания и с начала XX в. – США – с другой. После того, как во второй половине XVII в. Англия взяла верх над Голландией, вплоть до наших дней морской (островной) принцип в геополитике воплощают англосаксы (Великобритания и США, с 1917 г., а возможно, чуть раньше – США и Великобритания).

Указанное противостояние не исключало конфликтов между самими континентальными и между самими морскими державами, однако осевым противоречием системы было таковое между морскими и континентальными державами, считает Дехийо.

Второе. В связи с противостоянием морской державы Англии континентальным Испанией, Францией и Германией решающую роль для «моряков» приобретал контроль над устьями рек, впадающих в Северное море, т. е. над прибрежными территориями Голландии и в меньшей степени – Германии. Так «пятачок» старой средневековой Фландрии приобрёл новое кардинально важное геополитическое значение и покушение на него «континенталов» немедленно вызывало бурную реакцию Альбиона и войну. Здесь к тезису Дехийо необходимо добавить, что Англия стремилась контролировать не только устья рек севера Европы, но вообще все выходы в море, особенно в Европе, и стратегически важные острова. *«Англия так любит равновесие на морях, запирая их выходы и бомбардируя мирные чужие пристани»*, вообще закрывая тем самым выход в открытое море всем другим народам Европы, – писал замечательный русский географ и экономист И. В. Вернадский (отец великого геохимика В. И. Вернадского и дед историка Г. В. Вернадского) в работе «Политическое равновесие и Англия» (СПб., 1854; 2-е исправленное издание, 1877)².

Третье. Поскольку объединение Европы в континентальную (полуостровную) империю противоречило интересам морских держав – Голландии, а затем Великобритании, существование именно системы государств, а не единой общеевропейской империи, соответствовало их интересам. Морские державы боролись за сохранение этой системы и всегда выступали на стороне тех европейских государств, которые становились или могли стать жертвами наиболее сильной континентальной державы – претендента на роль имперского объединителя. Так, европейская свобода и само существование системы государств оказалось тесно связано с экономическими и политическими интересами мощнейших морских держав, прежде всего Великобритании. В связи с этим Дехийо уделяет особое место роли морских англосаксонских государств (наций) – Великобритании, а затем США – в развитии европейской системе государств. Англичане и американцы, как пишет автор «Хрупкого баланса», уравнивали континентальные нации Европы, претендовавшие на господство. Последней такой нацией были немцы, и одна из главных задач книги Дехийо – побудить немцев к самоанализу, «оттолкнувшись» от катастрофы поражения в 1945 г.

Четвёртое. Система европейских государств функционировала циклически: периоды острых схваток за господство в ней (Дехийо называет их подъёмом, или вздыманием волн), резкие подъёмы кривой напряжённости, чередуются с относительно спокойными конфликтами, для которых характерны лишь локальные войны (для таких периодов Дехийо использует метафору провала, обрушения, падения волны в глубины).

Волновыми пиками Дехийо считает войны Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера, а периодами спада – провала – отрезки соответственно между

² Я благодарен В. Л. Цымбурскому, обратившему моё внимание на эту работу, вскрывающую англосаксонскую тактику «анаконды».

Карлом и Филиппом (едва заметный), Филиппом и Людовиком, Людовиком и Наполеоном, Наполеоном и Вильгельмом, Вильгельмом и Гитлером.

Схема в целом ясная, хотя некоторые её части выглядят не вполне убедительно. С точки зрения формальной логики, борьба Карла V – это возникновение системы государств, предшествующее её нормальному, «модельному» функционированию (как говорил Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет), а потому должна быть вынесена за пределы схемы как акт её творения, как нечто вроде её Большого Взрыва. Трудно сказать, что было более важным испытанием для Европы – «большая стратегия Филиппа II» (Дж. Паркер) или Тридцатилетняя война (1618-1648). Семилетняя война (1756-1763) – это «гребешок» посреди провала или же отрезок, формирующий вместе с революционно-наполеоновскими войнами ещё одну тридцатилетнюю войну за господство в Европе – англо-французскую? Некоторые историки весь период 1914-1945 гг. выделяют в качестве ещё одной тридцатилетней англосаксонско-германской войны за европейское и мировое господство, благодаря чему осью всей истории борьбы за гегемонию в Европе (и мировой системе) оказываются тридцатилетние мировые войны. Иными словами, есть о чём поспорить и поразмышлять, и мы обязательно сделаем это в послесловии.

Пятое. Анализируя механизм воспроизводства, самосохранения и побед европейской системы государств над теми, кто покушался на неё (от Карла V до Гитлера), Дехийо особо подчёркивает роль и значение такого фактора – и это одна из самых сильных и интересных сторон его книги и схемы – как внезападноевропейские державы, империи: сначала (в XVI в.) – Османская, а с XVIII в. – Российская.

Заклучив союз с султаном Сулейманом II Кануни («Законодателем»; в Европе больше известен как «Великолепный») – мусульманином – против христианского государя Карла V, христианский государь Франциск I сделал исключительно важный вклад в новую модель борьбы за господство в Европе. Теперь внешняя по отношению к Европе держава стала выступать союзником системы государств против внутриевропейских имперско-объединительных поползновений. А следовательно, и одним из гарантов самого существования европейской системы государств и европейских геополитических свобод. В XVIII в. Османскую империю сменила Россия, империя намного более крупная и могущественная.

Можно с уверенностью сказать: с появлением в начале XVIII в. сокрушившей шведов понастоящему континентальной, т. е. евразийской Российской империи континентально-имперская интеграция полуострова Европа стала невозможной.

Таким образом, с середины XVIII в. («Семилетняя война») и со всей очевидностью с Наполеоновских войн у европейской системы государств, помимо морской (островной) державы, появился мощный континентальный гарант. При этом интересы данного внешнего «гаранта» по сохранению европейской системы государств с её геополитическими свободами совпали – Дехийо хорошо показывает это – с интересами и *raison d'être* системы в целом и с интересами другого внешнего гаранта – Великобритании. Поскольку системно-европейские («антиимперские») интересы Великобритании и России совпадали, то неудивительно, что в войнах против **европейских** «континенталов» «островитяне-моряки» и континенталы **евразийские** выступали как союзники. Однако в межвоенные периоды союз быстро сменялся противостоянием Великобритании (а затем США) во главе европейской системы государств и России (а затем СССР).

Верно отмечая возникновение уже с 1710-х годов в скрытой форме, а с 1810-х годов – в открытой англорусского конфликта, фиксируя параллелизм и сходство в развитии Великобритании и России, Дехийо, к сожалению, не останавливается на этом евразийском конфликте подробно. Понятно, что немецкого учёного интересует прежде всего европейская система государств, именно она есть предмет его исследования. И всё же с XIX в. ситуацию в этой системе начинает определять евразийское соперничество Великобритании и России (конкретный пример – Крымская война, представляющая собой первую возглавляемую Британией общезапад-

ную войну против России), а с 1945 г. – мировое соперничество США и СССР. По иронии истории победа над Гитлером означала автоматически уничтожение европейской системы государств как значимой. Не является ли Евросоюз попыткой возродить эту систему в иную эпоху и на иной, экономической, основе?

IV

Исторически связав европейские геополитические свободы с англо-американцами и исходя из того факта, что Европа после 1945 г. стала элементом атлантической системы Большого Запада, Дехийо рассматривает историческую драму борьбы за господство в Европе не столько с немецких позиций, как этого можно было бы ожидать от немецкого интеллектуала и чиновника, сколько с общеевропейских, в которых в целом чувствуется симпатия к англичанам и особенно американцам, перерастающая в идеализацию, со всей очевидностью противоречащую реальности. Дехийо словно забывает о корыстном национальном интересе тех же англичан. *«Странное политическое равновесие! – писал в 1854 г. И. В. Вернадский. – Уже более века, как Англия постоянно и везде увеличивает свои владения и своё влияние, тогда как все государства Западной Европы теряют и то и другое, а все ещё говорят о равновесии»*, в рамках которого Альбион душит их в объятиях.

Подход немецкого историка к англосаксам логически вытекает из идеализации Дехийо островного (морского) принципа. *«В течение столетий, – пишет автор «Хрупкого баланса», – островное положение выступало щитом для этого духа, который на тёмном фоне тоталитарной бесчеловечности вновь наделил англоязычные народы, хотя и столкнувшиеся с серьёзными трудностями, нимбом человечности. Лишь использование ими атомного оружия подпортило их репутацию»*. По Дехийо выходит, что бомбардировка Хиросимы и Нагасаки лишь «подпортила репутацию». Так, пустячок.

Дехийо почему-то забывает и о массированных бомбардировках англосаксонскими союзниками немецких городов в конце Второй мировой войны. Эти бомбардировки не диктовались военной необходимостью, их целью было уничтожение, во-первых, городов и промышленного потенциала, во-вторых, гражданского населения. Эта вторая цель была проста: путём уничтожения гражданского населения (особенно женщин и детей – «психоудар» по мужчинам) заставить его, прежде всего мужчин, выступить против Гитлера. По подсчётам немецкого исследователя В. Г. Зебальда, в последние годы войны союзники сбросили на мирное население 131 города по сути уже поверженной Германии около 1 млн. бомб; количество жертв составляло 600 тыс.; было уничтожено 3,5 млн. домов, в результате чего 7,5 млн. человек остались без крова. Эти бомбёжки не подпортили репутацию англосаксов?

По тому же принципу американцы в 1970-е бомбили Вьетнам и Камбоджу, а в течение трёх месяцев 1999 г. – Югославию удары; наносились не по военным объектам (разрушено лишь 5 %), а по промышленным (разрушено до 70 % плюс 90 % мостов) и мирному населению. Целью «психоудара» было заставить людей перестать поддерживать Милошевича, вынудить его уйти.

Тех, кто отдал приказ об атомной бомбардировке японских городов, нужно было судить так же, как судят военных преступников. (И так же необходимо судить тех, кто отдавал приказ бомбить мирное население Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, а в наши дни – Югославии.) Однако победителей не судят, и Дехийо, к сожалению, с ними. Он полагает, что до Хиросимы англоязычные народы вершили только благо и не совершали никаких преступлений против целых обществ. Ясно, что это не так: достаточно вспомнить действия американцев против индейцев – кто не слеп, тот видит. Однако Дехийо, как и многие европейцы, фиксирует внимание лишь на европейской арене, не принимая во внимание то, что творили англичане по отношению к африканцам, коренным жителям Австралии, индийцам, китайцам, которых они ради своей прибыли стремились превратить в нацию наркоманов, а американцы – по отношению к индейцам и приведённым из Африки рабам. Впрочем, речь должна идти не только об индейцах. В 1764 г., выступая в парламенте, граф Чэтем цинично спросил: *«Что было бы с Англией, если*

бы она всегда была справедлива в отношении Франции?» («и в отношении к другим странам» – добавляет уже цитировавшийся мной И. В. Вернадский).

Дехийо пишет, что основной элемент островного принципа – свободный и гибкий человеческий дух, тогда как развитие континентального принципа в конечном счёте ведёт к появлению жестокой и обезличенной государственной машины. Не будем спорить о «свободном английском духе» – он есть и достоин уважения. Но есть мнение, что у английского духа, как и у всего в мире, имеется обратная сторона. Ещё раз обратимся к И. В. Вернадскому: *«Понимая чуждой эгоизм, англичанин, в то же время, и уважает его в душе, и готов сочувствовать чуждому успеху, если только этот успех не вредит его интересам. Таким образом, нигде нельзя встретить такого почтения к богатству и знатности, и такого презрения к бедности и низкому положению лица в обществе, как в этой либеральной стране. Правда, в этом почтении нет низкопоклонства, не допускаемого самолюбием, которым проникнуто неприкосновенное я англичанина; но, тем не менее, оно поражает каждого, кто имел случай видеть и наблюдать этот народ».*

Но дело даже не в этом. Удивительно, что Дехийо упускает из виду другой факт: морские (островные) государства были колониальными империями. Политико-экономической гарантией и *conditio sine qua non* свободы островного духа была жестокая эксплуатация колоний и полуколоний – достаточно вспомнить ограбление Индии, ввоз опиума англичанами в Китай в XIX в., приведший к двум опиумным войнам, жестокости в Ирландии. Экономическим фундаментом английских свобод и процветания в новое время было, как и экономическим фундаментом свободы свободных в Афинах и Риме, рабство, только вынесенное за пределы острова. Отрывать морские державы от их колониальных империй и в таком искусственном изолированном виде противопоставлять Германии или России с их крепостничеством «второго издания» есть грубая ошибка – логическая, историческая и нравственная.

В равной степени ошибочно противопоставление английского национального государства XVIII–XIX вв. континентальным империям. Это государство было ядром колониально-морской империи. Поэтому правильнее говорить о двух типах империй в новое время; при этом в самой колонии морская империя превращалась по сути в местную континентальную, в континентальный функциональный орган морской империи, доставляющий ей огромные богатства, которые обеспечивали свободы на самом острове. Жаль, что Дехийо не принял в расчёт этот в общем-то очевидный факт.

Когда Дехийо пишет об эпохе после окончания Второй мировой войны, идеализация островного принципа порой, к сожалению, приобретает характер апологии Америки и опасно близко подходит к черте, за которой начинается (про)американская пропаганда времён разгара «холодной войны», а иногда и переходит эту черту. Здесь особенно показателен эпилог, где Дехийо пишет, что после 1945 г. *«Соединённые Штаты осознали свою миссию избавить мир от страданий с помощью духовной и материальной силы, которую они недавно продемонстрировали. Иными словами, Соединённые Штаты поняли, что должны завершить труд Вильсона или, скорее, восстановить то, что ему пришлось оставить в развалинах. «Единый мир» Объединённых Наций должен был стать благом, дарованным человечеству американским веком. Правление мирной демократии во всём мире предотвратило бы возврат политики с позиций силы и всех её ужасов».* Однако этого не произошло, считает Дехийо, из-за того что континентальный СССР навязал США «холодную войну», стремясь измотать американцев и навязать тоталитаризм всему миру (при этом Дехийо сам же признаёт, что политическое освобождение угнетённых и униженных народов Азии, Африки и Латинской Америки связано с подъёмом коммунизма и поддержкой СССР).

По поводу облика послевоенных США, который рисует Дехийо, можно сказать словами Высоцкого: *«Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята».* Начать с того, что именно США в течение всей второй половины XX в. (как, впрочем, и первой) проводили политику с пози-

ции силы со всеми её ужасами. Это делали как «тихие» американцы, описанные Грэмом Грином, так и «громкие» – бомбя Вьетнам и Камбоджу, высаживаясь на Кубу и в Ливане, поддерживая кровавых диктаторов в Корее и Никарагуа, устраивая перевороты в Гватемале (1953), Иране (1953) и Чили (1973). Там «американский век» вбивался с помощью тайных операций и репрессий (подробнее об этом см. «Почему люди ненавидят Америку» З. Сардара и М. Вин Дэвиса. М.: Проспект, 2003 и «Почему нас ненавидят» знаменитого американского писателя Г. Видала. М.: АСТ, 2003). Да, СССР после войны превратил Восточную Европу в зону своего влияния, в протекторат – но то же самое сделали США с Западной Германией и Японией. Тем не менее, у СССР это объявляется «экспансией», а у США – «маршем демократии», хотя французских и итальянских коммунистов американцы «давили» не меньше, чем советские – своих политических противников в странах Восточной Европы.

По-видимому, именно стремлением «избавить мир от страданий» была продиктована операция «Split» («Раскол», или «Расщепляющий фактор»), проведённая ЦРУ в Восточной Европе в 1947-1949 гг. Суть операции заключалась в следующем: с помощью лжи и фальсификации спровоцировать волну кровавых репрессий в странах Восточной Европы против умеренных социалистических лидеров, способных смягчить сталинскую модель. Задача была простой: способствовать тому, чтобы на место репрессированных умеренных пришли жестокие твердолобые сталинисты, которые должны были исходно придать восточноевропейскому социализму кровавый и жестокий характер и скомпрометировать его в глазах населения (см.: Стивен С. «Операция Раскол». М., 2003). Результат – организованная американцами операция привела к массовым репрессиям, в которых они же обвинили СССР. Однако американцы перестарались. Приняв «Раскол» за чистую монету, Сталин отдал приказ ускорить подготовку к ядерной войне, к наступательным действиям против Западной Европы и Америки. И кто знает, как бы всё сложилось, если бы не смерть вождя.

Впрочем, не только Сталин, но и американцы готовились к ядерной войне, особенно когда у СССР ещё не было ядерной бомбы. Во второй половине 1940-х годов американцы последовательно разработали несколько планов ядерной бомбардировки десятков советских городов и уничтожения почти всей советской промышленности. Речь идёт о директиве Объединённого комитета военного планирования № 432/д (1945 г.), о планах «Чэриотир» (1948 г.) и «Флитвуд» (1948 г.), об оперативном плане ядерной бомбардировки СССР САК ЕВП 1-49 (1948 г.), «Дропшот» (1949 г.). А ведь СССР, не имевший в то время не только ядерного оружия, но и средств их доставки – баллистических ракет, не мог непосредственно угрожать США.

Единственное, что действительно ограничивало США и их ТНК на международной арене – это существование СССР, обладавшего ядерным оружием, «ялтинская система». Только в рамках этой биполярной системы были возможны крушение колониальной системы, победа национально-освободительного движения в афро-азиатском мире и многое другое, включая *welfare state* на самом Западе. О том, каким было бы положение слабых мира сего без СССР, красноречиво свидетельствуют действия США в 1990-е годы против Югославии, Афганистана, Ирака – и всё «ради блага, демократии, избавления от страданий», как о том пишет Дехийо? Ответ – «по Станиславскому»: «Не верю».

Всю вторую половину XX в. США – и это было вполне очевидно уже в 1950-е годы – «сжимали пружину», оказывая давление прежде всего на слабых мира сего – в Азии, Африке, Латинской Америке. А потом она «разжалась» и произошла отдача. «Отдача: цена и последствия американской империи» – так назвал свою книгу об американской политике в Азии во второй половине XX в. и о реакции на неё в начале XXI столетия, известный американский специалист по Восточной Азии, консультант ЦРУ Чалмерс Джонсон (Johnson Ch. Blowback: The costs and consequences of American empire. N.Y.: 2002). Проанализировав политику США и отношению к азиатским странам во второй половине XX в., он предсказывает, что в первой половине XXI в. Америка получит отдачу по полной программе, и 11 сентября – это только

начало. Почему-то приходят на память слова Блаженного Августина: *«Наказания без вины не бывает»*. Жестокий вывод? Нет, жестокий мир, в котором действие равно противодействию. Жаль только, что в результате гибнут ни в чём не повинные люди.

Но вернёмся к Дехийо. Апология США в его книге очень хорошо показывает, как даже умный и знающий человек может стать жертвой пропаганды, умело играющей на комплексе «исторической вины» немцев. Ну как тут не заглотнуть «свою» – атлантическую, Большого Запада – пропаганду? *«Самое вульгарное в «холодной войне», – говорит антикоммунист, но честный писатель Джон Ле Карре устами своего героя Смайли (в романе «Тайный пилигрим», Le Carré J. Secret Pilgrim. N.Y., 1991) – это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду [...] В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей – из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько ещё мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать»*.

Дехийо явно не остановился. Его позиция по отношению к Великобритании и США – это позиция части немецкой интеллигенции после поражения во Второй мировой войне, позиция, которая во многом питалась усиленно насаждаемым победителями-американцами чувством/комплексом «коллективной вины немецкого народа» за войну, за национал-социализм, за Гитлера. Это была очень важная психоисторическая (психоментальная) операция англосаксов по отношению к немцам, рассчитанная на долгосрочный эффект и адекватно до сих пор не осмысленная. На самом деле народ в целом не может быть виноват, ну а тезис о «коллективной вине» – это вообще откуда-то из языческого, дохристианского прошлого. «Коллективная вина» была бы более адекватна политическому языку нацистов, чем либералов. Советская (марксистская) позиция по данному вопросу выглядит намного гуманнее: гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся.

V

Проблема самооценки и чувства историко-культурной вины и сама по себе важна и интересна. Помимо прочего, это мощное идейное, психоисторическое (психоментальное) оружие в борьбе за мировую власть, ресурсы и информацию.

Для нас, русских, всё это вдвойне важно и интересно. В 1989 г. СССР прекратил «холодную войну» – и проиграл (именно так, а не: «СССР проиграл «холодную войну»). Поразительным, хотя вполне предсказуемым образом («*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*») ельцинскую РФ, сыгравшую значительную роль в развале СССР и победе Запада над ним, Запад записал в потерпевшие поражение и назначил её и господствующие в ней группы – вместо исчезнувшего СССР – главным проигравшим (как тут не вспомнить Тараса Бульбу с его бессмертным: «*Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?*»). Значит ли это, что нужно становиться на сторону победителя или начинать смотреть на историю его глазами (т. е. в его интересах), как это радостно сделала часть постсоветской верхушки и обслуживающей её интеллектухи, благо смердяковщина и смердяковы с их любовью к «культурным и умным народам» и презрением к своему собственному со времён Достоевского так и не перевелись? Конечно, нет.

После распада СССР западная пропаганда сама и руками, точнее, устами (гнилыми – есть во «Властелине колец» Толкина такой персонаж: Грима Гнилоуст; предатель, естественно) своих российских агентов-шестёрок пыталась убедить русский народ в его вине (за коммунизм, за то, что не бунтовали против системы, не поддерживали диссидентов, даже за несколько столетий крепостного состояния, якобы превратившего русских в рабов и т. д.), в его неправильности, а то и неполноценности и никчёмности, в отклонении от некой универсальной (читай: западной) нормы.

Кстати, аналогичное чувство вины русским людям пытались привить большевики сразу после октября 1917 г. и гражданской войны. Вины за самодержавие, за «великодержавный шовинизм», за «тюрьму народов» и т. п. И только логика создания державы, борьба с «интернационалистами» Троцкого, а затем с «ленинской гвардией» и, наконец, Великая Отечественная война привели к торжеству иной – государственной, державно-патриотической линии. Впрочем, со временем, уже с Хрущёва, эта линия слабела, усиливалась противоположная, ярко проявившаяся в 1972 г. в направленной против писателей-деревенщиков, программно-погромной статье будущего «главного идеолога перестройки», а тогда цеховского пропагандиста А. Н. Яковлева.

После 1991 г. «историческая» критика России получила дополнительные «основания»: капитуляция в «холодной войне», уродливое, нецивилизованное развитие «капитализма», «русская мафия» и т. д., и т. п. Всё это объявлялось наследием как коммунизма, так и – глубже – самодержавия. Таким образом, в 1990-е годы, во-первых, либеральная критика русского прошлого во многом солидаризировалась с коммунистической критикой этого прошлого в 1920-е – 1930-е годы, особенно в её крайнем, троцкистском варианте (как тут не вспомнить Сталина с его тезисом о диалектике в политике: пойдёшь налево – придёшь направо). Во-вторых, произошло взаимоналожение трёх линий пропаганды – антирусской, направленной против самодержавия; антисоветской (антикоммунистической) – против СССР и антирусской – против РФ. Общий знаменатель у всех трёх разновременных, но тесно связанных друг с другом линий пропаганды – направленность против России как против политико-географической и историко-культурной целостности (держава и тип культуры) и против русских как державообразующего народа. С наибольшей отчётливостью на Западе это проявилось у политиков типа Зб. Бжезинского, а в России – у целого кластера, в котором на корыстной основе смешались бывшие диссиденты (теперь становится ясно, чьи «права», против кого и по какой цене защи-

щали многие из них), бывшие гэбэшные стукачи, часть совинтеллигенции, которая превратилась в культурбуржуазию и обслуживает узаконенных ельцинским правлением грабителей страны и их западных контрагентов. Глядишь на них и вспоминаешь строки Заболоцкого:

*Все смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.*

*Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти –
Только вымысле и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье.*

Вопрос в том, сколько продлится этот вымысел и бред и понадобится ли хирургическое вмешательство, чтобы его прекратить.

Разумеется, ни Российская империя, ни СССР не были ангелами ни во внешней, ни во внутренней политике (а кто был?). Разумеется, в действиях русской/ советской власти дома и за рубежом было многое, достойное осуждения. Историю нашей страны (как, впрочем, и любой другой) можно писать только на основе «принципа Чаадаева»: *«Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её»*. Действительно, любить Родину по-настоящему можно только с открытыми глазами (ясное видение), гордо поднятой головой, свободными устами. Но – **любить**: *right or wrong, my country* («права или нет, но это моя страна»). Любить, а не ненавидеть – так, что ненависть застит глаза, а голова угодливо склоняется перед заморским хозяином.

Все названные выше линии «критики» особенно активны по внешнеполитической части: Россия – всегдашний агрессор, «жандарм свободы» (это – о самодержавной России), «тоталитарный душитель демократических свобод» и «империя зла» (это об СССР), «квазиимперский монстр, тиранящий несчастных чеченцев» (это о сегодняшней РФ).

Объективность предполагает отказ от двойных стандартов. А борьба за выживание требует не позволять навязывать себе ни такие стандарты, ни чувство коллективной или исторической вины. История борьбы за господство в Европе – хорошая «площадка» для того, чтобы разобраться и в событиях прошлого, и в том, как их интерпретация используется в настоящем – в борьбе за него и за будущее. Нельзя позволить ни противникам России на Западе, ни их «пятой колонне» в самой России навязать нам их версию истории международной борьбы, где Запад назначен на роль героя и добра, а Россия/СССР – на роль антигероя и зла.

VI

Дехийо встал на англосаксонскую точку зрения. Бог ему судья. И сами немцы. А мы – в том числе с помощью Дехийо (*let us write down right things*) попытаемся разобраться с европейской политикой, с историей системы государств Европы последних столетий, чтобы лучше понять Европу (англичан, французов, немцев) и себя. И здесь надо сказать несколько слов в защиту немцев, а точнее – в защиту исторической справедливости и истины.

Немцы, действительно, были теми, кто начал обе мировые войны XX в. (точнее, начал европейские войны, ставшие мировыми – так, будто этого первого шага от них только и ждали). Здесь уместно процитировать француза Гюстава Ле Бона – не большого любителя немцев, но объективного учёного. Пусть именно Германия добавила в наполненную до краёв чашу ту каплю, из-за которой всё пролилось, – заметил он; однако для объективного исследователя, подчёркивает Ле Бон, главный вопрос не в том, кто влил последнюю каплю, а кто наполнил чашу до краёв, сделав войну неизбежной (подр. см. об этом в послесловии).

Например, среди тех, кто самым активным образом наполнял чашу мировой политики горячим содержимым, готовя обе мировые войны XX в. и готовясь к ним, были англичане. Но они вполне могли подождать, пока претендент сделает первый ход и его можно будет объявить агрессором (тем более, что все его действия на европейской арене с 1935 г., по сути поощряемые всё тем же «туманным Альбионом», свидетельствовали именно об этом) – в отличие от претендента, у них были заморские ресурсы, и они с населением колоний и полуколоний, с «цветными», творили то, что немцы пытались сделать в Европе и с европейцами, пытаясь превратить её в полуколонию, а неарийское население, прежде всего огромные массы славян, частично уничтожить, частично превратить в «европейских цветных». Проблема, однако, в том, что историю пишут победители. Поэтому после 1945 г. на Западе, а с конца 1980-х годов и у нас восторжествовала англосаксонская точка зрения на причины и ход мировых войн XX в. и борьбы за европейское и мировое господство в XVI-XX вв. в целом.

Нельзя не согласиться с английским историком Д. Ливеном, автором работы «Империя: Российская империя и её соперники» (Lieven D. *Empire: The Russian empire and its rivals*. L., 2000), который заметил, что в современных работах по сравнительной истории и политологии господствует превращённая в догму – «*странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (self-congratulation), написанная в немецкой манере*».

И ведь действительно: практически вся история современности, вся история капиталистической эпохи написана по сути с англо-американских позиций, на основе англо-американских ценностей (права человека, понимаемые как права индивида, рынок, демократия и т. д.), провозглашённых универсальными, в понятиях и терминах, отражающих реалии буржуазного общества, основанного на англосаксонских по происхождению капитализме и либерализме (отсюда, кстати, европоцентризм и капиталоцентризм современной науки об обществе), а следовательно, на основе англосаксонских интересов, т. е. интересов двух сменивших один другого гегемонов мировой капиталистической системы – Великобритании и США, «англо-американского истеблишмента» (К. Куигли) – экономико-политическо-интеллектуального.

Когда-то Тацит заметил, что поражение в битве терпит тот, кто первым опускает глаза. Смотреть на себя и на мир чужими глазами – ещё хуже, чем опустить глаза в бою. Это значит проиграть битву до её начала. История современности написана победителями, они назначали её героев (англичане, американцы, протестанты, либералы и т. д.) и антигероев (католики, православные, мусульмане, французы, немцы, русские, марксисты, консерваторы и т. д.); они определяли, как и что исследовать и, главное, оценивать, причём по двойному (по-разному для себя и для остального мира) стандарту. На повестке дня – ревизия подобного подхода и основанных на нём интерпретаций истории вообще и капиталистической эпохи с её борьбой госу-

дарств за гегемонию, в частности – переосмысление (или осмысление заново – *unthinking*, как предпочитает выражаться отец-основатель мир-системного анализа И. Валлерстайн). Такого рода ревизия, или осмысление заново – необходимое, хотя и недостаточное условие не победы даже, а участия на равных в Большой Мировой Игре, в разворачивающихся на наших глазах новом мировом переделе, новой Пересдаче Карт Истории, которая определит расклад сил на большую часть XXI века. В игре, в которой Россия, если говорить всерьёз, пока что даже не субъект.

VII

Вывод? Учиться, учиться и ещё раз учиться, в том числе и на своих ошибках – за одного битого двух небитых дают. Учиться быть сильным, потому что слабых бьют. Учиться у тех же англосаксов. Например, их замечательному принципу – *right or wrong, my country*, с помощью которого, начиная с XVI в., они последовательно, с запада на восток, устраняли всех своих противников – сначала полуостровных европейских (Испанию, Францию, Германию), а затем евразийских – Россию и СССР, «дотопав» сегодня до Восточной Азии (Китая). Именно указанный победительный государственно-патриотический принцип, окрашивающий англосаксонский либерализм в тона национализма и имперскости, с большим трудом воспринимался русской/советской/постсоветской интеллигенцией, либерализм которой был в подавляющем большинстве случаев устремлён в сторону Запада, в сторону от своей страны, от своего народа, а то и просто повёрнут против страны и народа, логически оборачиваясь русофобией. Прав Достоевский: либерализм в России – это нерусский либерализм. А вот либерализм в Англии и Америке был всегда англо-американским либерализмом, и в том была его созидательная, а не разрушительная сила – по отношению к своим странам, разумеется. Разрушительным политико-экономическим и идейным (психоисторическим) оружием этот либерализм становился по отношению к странам – противникам англосаксов, особенно когда обрастал в них местной либеральной «пятой колонной», которая объективно (по идеализму, глупости, подлости, холуйству перед Западом – причина не важна, важен результат) работала «на чужого дядю». Кстати, в англосаксонских странах работников «на чужих дядек», как правило, нейтрализуют быстро и жёстко, причём как по закону, так и создавая вокруг них определённую моральную атмосферу. Вот этому у англосаксов тоже надо поучиться.

Нужно учиться быть адекватными современному миру. Одна из причин крушения СССР заключалась в том, что советская властная верхушка («элита») в 1980-е годы проиграла западной, а её интеллектуальная обслуга – своему западному контрагенту, глазами которого (т. е. чужими глазами) она начала смотреть на мир как минимум с 1970-х годов.

После наступления «Тет» вьетнамских коммунистов в 1968 г., мировых студенческих волнений 1968-1969 гг. и экономических потрясений первой половины 1970-х годов Запад делал выводы и перестраивался в политическом и интеллектуальном плане (Римский клуб, Трёхсторонняя комиссия и многое другое), готовясь к фронтальному наступлению 1980-х. Хочу особо подчеркнуть интеллектуальную составляющую западного истеблишмента. Я полностью согласен с Ч. Джонсоном, заметившим в своей последней книге «Отдача»: эйзенхауэровский термин «военно-промышленный комплекс» надо заменить на «военно-промышленно-интеллектуальный комплекс». «Холодная война» определённым образом и в определённом направлении деформировала развитие многих американских университетов (например, Стэнфордского, чему посвящено специальное исследование Р. Лоуэн «Создание университета Холодной войны: Трансформация Стэнфорда. Lowen R. Creating the Cold war university: The transformation of Stanford. Berkeley, 1997) или привела к созданию исследовательских «фабрик мысли» специально под «холодную войну» (например, «РЭНД корпорейшен», «Гудзоновский институт по изучению будущего» – подробнее см. книгу П. Диксона «Фабрики мысли». М., 1976).

Общественная наука не была нейтральной не только в СССР, но и на Западе; здесь эта «нейтральность» просто скрывалась хитрее и изощрённее, по крайней мере, до крушения СССР. Да и наивно было бы даже предполагать противоположное. В 1970-е годы Запад перестраивался, готовясь к новому туру борьбы, а сытая, тупая и трусливая советская верхушка проматывала на нефтедоллары будущее страны и – признак системного упадка – растила в своём чреве и двигала вверх горбачёвых, яковлевых и прочую бездарь, проигравшую/сдавшую

в 1980-е всё, что только можно было проиграть и даже более того, а затем представила свои бездарные действия как заранее планировавшийся демонтаж коммунизма и СССР *à la* Плохиш («*Радуйтесь... Это всё я, Плохиш сделал... Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в своё буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется*»).

Не буду разбирать здесь вопрос о соотношении роли некомпетентности и предательства советской верхушки в качестве факторов поражения СССР. Президент Клинтон, выступая в октябре 1995 г. перед Объединённым комитетом начальников штабов, назвал самоуверенность Горбачёва и наличие в его окружении проамериканских фигур (т. е. агентов влияния) главными факторами того, что США в 1991 г. мирным путём добились реализации военных планов Трумэна. В данном контексте для меня важнее некомпетентность советского руководства и превосходство над ним западных лидеров, а западных «фабрик мысли» – над советскими.

Во второй половине 1980-х годов сбылось давнишнее опасение «любимца партии» Николая Бухарина. З. Ю. Арбатов вспоминает, как, выступая во время гражданской войны в Екатеринославе, Бухарин рассказывал: *«Сижусь я частенько в кабинете Чичерина... Пугнём, говорю, Францию... Пусти-ка по прямому ноту в Варшаву!.. И Чичерин пугает... Мы с Чичериным хохочем, а из Варшавы устами французских империалистов летит к нам по радио встревоженный и серьёзный ответ... Мы, значит, в шутку, а они всерьёз!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у них дрожат!.. А что наш Красин в Лондоне выделывает! – заливался Бухарин, – Чудеса, да и только!.. Англичане и во сне видят наши леса, нашу руду и наш Урал... Международные политики, товарищи, – перешёл на серьёзный тон Бухарин, – в годы большого исторического сдвига, проделанного Российской Коммунистической Партией, оказались неподготовленными к тем формам дипломатии, которые выдвинул наш Ильич и которые так исчерпывающе полно и тонко схватил и понял наш Чичерин, хотя тоже старый царский дипломат... Вся ошибка и самое страшное для мировых дипломатов это то, что мы говорим определённым языком, и слово «да» на языке нашей коммунистической дипломатии означает исключительно положительную сторону дела, т. е. чистое, утверждающее событие «да»; они же, выжившие из ума мировые дипломаты, в нашем открытом «да» ищут каких-то несуществующих в нём оттенков уклончивости, отрицания, и до глупого, до смешного бродят меж трёх сосен... Вся, товарищи, суть дипломатии заключается в том, что кто кого окопачит!.. Сейчас, товарищи, мы колпачим!.. Может быть, настанет час, когда и нас будут колпачить, но сейчас, товарищи, повторяю, мы колпачим всю Европу!.. весь мир!.. и на седой голове Ллойд Джорджа красуется невидимый для мира, но видимый нам, большой остроконечный колпак, возложенный нашими славными товарищами, Красиным, Литвиновым и Чичериным...».*

В 1980-е годы советские лидеры оказались, в свою очередь, неподготовленными к тем формам борьбы, которые выдвинул глоболизирующийся Запад, и «славные товарищи» Рейган, Тэтчер, Буш и другие возложили «остроконечные колпаки» на лысые и седые головы советских руководителей, для которых настал «час окопачивания» (за которым придёт час ещё большего позора – рекламы пиццы).

В начале XX в. большевики победили, помимо прочего, и потому, что сделали верные выводы из внешнеполитических поражений России в современную им эпоху и выработали знание, идеи и стратегию, адекватные миру того времени. О них можно сказать то же, что К. Поланьи в своей великой книге «Великое преобразование» (Great transformation. L., 1944) сказал о нацистских лидерах. В потерпевшей в 1918 г. поражение Германии, писал он, нашлись люди, способные понять скрытые изъяны мироустройства XIX в. и, более того, использовать это знание в разрушительных целях. *«Некое зловещее интеллектуальное превосходство было выработано теми её (Германии. – А.Ф.) государственными деятелями тридцатых годов, которые сконцентрировались на задаче разрушения (существующего порядка – А.Ф.). Эта задача,*

которая диктовалась необходимостью подчинить ход событий своему политическому курсу, предполагала развитие новых методов финансовой деятельности, торговли, войны и социальной организации».

Хочу обратить внимание читателя на формулу «интеллектуальное превосходство». Последнее вырабатывается как «практикой», особенно поражениями, так и «теорией» – анализом современного мира в его историческом развитии, прежде всего, долгосрочных системных тенденций развития. И вот здесь тоже есть много чему поучиться у англосаксов, особенно альбионских. Когда-то замечательный русский геополитик Е. А. Вандам (Едрихин), зафиксировав необычайную искусность англичан в жизненной борьбе (что не помешало ему отметить: хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним), особо подчеркнул интеллектуальную составляющую англосаксонских побед и их проекта.

Позволю себе привести длинную цитату из работы Е. А. Вандама: *«Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чём наши хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т. е. политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?»*

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих». (Кстати, в том, как немец Дехийо написал об англосаксах, тоже проявляется их искусство мировой борьбы, в данном случае – интеллектуальной.) Сказано в начале XX в., а оказывается актуальным и сто лет спустя, в начале XXI в.

Какой же из всех видов анализа для нас наиважнейший? Поскольку, как говорил ещё Гераклит, *«борьба/война – отец всего»*, анализ именно долгосрочных тенденций борьбы за власть в европейской/мировой системе является одним из необходимых, хотя и недостаточных факторов понимания состояния современного мира и прогнозов его будущего развития.

В этом плане книга Дехийо, несмотря на все предыдущие критические замечания в её адрес, представляет значительный интерес. Хотя она и написана почти полвека назад, ни своих качеств, ни своей актуальности эта книга не утратила, а по коэффициенту соотношения объёма материала и сжатости/ясности его изложения превосходит многие книги по данной тематике. «Хрупкий баланс» – хорошее введение, затравка к истории борьбы за господство в Европе и мире, красочная историческая иллюстрация к одной из проблематик махиологии (науки о борьбе), плотная информация к размышлению. Ну а о том, что в работе Дехийо представляется не совсем верным (или совсем неверным), что требует сопоставления с иными точками зрения или просто уточнений, дополнений, особенно в том, что касается экономического, социального и военно-технического аспектов международно-политической борьбы, специфики политико-оперативной обстановки в тот или иной период борьбы за господство в Европе, мы отдельно поговорим в послесловии к интересному тексту немецкого учёного, обещающего нам, помимо прочего, увлекательное интеллектуальное чтение и приключение.

Надеюсь также, что труд Людвиг Дехийо станет первым в серии книг о современном (*modern*) мире и его истории, о том, какая наука нужна, чтобы выживать, жить и побеждать

в этом мире. Особенно когда это приходится делать, поднимаясь после поражения и провала перед лицом превосходящего по силам противника. *«В таком положении находится теперь наше отечество, – писал И. В. Вернадский после Крымской войны (а сегодня положение похуже будет). – Мы не станем пророчить ему несомненный и полный успех, как этого желает наше сердце, но не можем не заметить вероятность такого успеха; и если борьба будет **продолжительна**, то она докажет неприятелю, что русский народ обладает такою же тягучестью, силою и настойчивостью характера, как в прежнее время, что враг пред собою имеет не изнеженные слабые племена, над которыми легка была для него победа, а народ, готовый для спасения своего политического положения на самые крайние жертвы, и в своей земле, и своём числе могущий найти все нужные средства, хотя бы для вековой борьбы с нападающими на него».*

Присоединимся к мнению учёного и постараемся взять из «Хрупкого баланса» то, что нужно и важно именно **нам**, чтобы избежать неизъяснимой хрупкости государственного бытия России в XXI веке.

Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты (вместо послесловия к «Хрупкому балансу» Людвиг Дехийо)³

Предварительные замечания. Перевернута последняя страница книги Людвиг Вильгельма Дехийо, книги, вместившей четыре столетия борьбы за господство в Европе и потому весьма насыщенной. С автором есть о чем поспорить – как в общем, так и по частностям. Кроме того, поскольку автор, к сожалению, практически не затрагивает такие сферы и факторы как экономика, техника, демография, то необходимы некоторые дополнения.

Разумеется, чтобы развернуть дискуссию по большей части вопросов или основательно дополнить Дехийо, нужно писать книгу, что со временем я и намереваюсь сделать. Здесь же ограничусь некоторыми наиболее важными проблемами, особенно теми, что связаны с мировыми войнами XX в. Ну и поскольку Дехийо довольно много рассуждает о немцах и двух их попыток объединить Европу и стереть Ластиком Истории систему государств, придётся обратиться к немецкому аспекту борьбы за господство в Европе. Хотя меня интересуют общие проблемы долгосрочной борьбы за господство в Европе, сходство и различие нескольких попыток объединить её, начну я с нескольких замечаний частного характера.

Частности. Например, сомнительным представляется утверждение Дехийо о том, что в XI–XIII вв. пульс европейской экономики бился слабо. Как показывают исследования (например, Ж. Гимпеля и других) в XI–XIII вв. произошла по сути первая промышленная революция в Западной Европе, технический взрыв, который сменился застоём XIV–XVII вв. Правда, то был застой в развитии мирной, но ни в коем случае не военной техники, последняя, напротив, бурно прогрессировала с XIV в. по конец XVII, а вот после наступил застой на полтора столетия.

Когда Дехийо пишет, что в основе неудачи Карла V лежало недоверие к папам, коренившееся в многовековом конфликте империи и папства, он прав лишь отчасти. Есть и другая сторона дела: попытка Карла V, а затем и Филиппа II создать общеевропейскую империю бежала против времени. В XVI в. стало формироваться новое международное разделение труда, возник мировой рынок, адекватной политической формой международной организации которого была именно система государств, получившая, таким образом, мощную международную основу неополитического и неимперского типа. Поэтому, например, выводить напрямую систему европейских государств из системы итальянских государств и прочерчивать прямую линию от Венеции к Голландии едва ли правомерно. Между ними – качественное изменение: возникновение мирового рынка в XVI в. О военной революции XVI–XVII вв. и экономическом кризисе XVII в. я уже и не говорю.

Новоевропейская система государств не является просто расширением итальянской системы – между ними качественное различие, у них разные основы. «Длинный XVI век» (1453–1648 гг.) отделил старую эпоху от новой и в то же время задал некие векторы развития этой новой эпохи – генезис определяет функционирование системы. И одним из важных векторов был тот, на который обратил внимание Дехийо – роль внеевропейского (азиатского, евразийского) фактора в определении судеб Европы: сначала – Османы, в союз с которыми против Габсбургов вступил Франциск I, затем – Россия, в союзе которой против Франции, а затем Германии выступали англосаксы.

---

³ Опубликовано в: Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М, Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 244–313.

Прав Дехийо: если бы Европа (западный мир) оставалась замкнутой, то тенденция к её (его) объединению в рамках новой империи – «второго издания» империи Карла Великого – возобладала бы. Европа, однако, размыкалась, и размыкалась на экономической основе, к середине XVI в. эта тенденция уже миновала точку возврата. Весьма символично, что в том же 1519 г., когда Карл стал императором Священной Римской империи, Фернандо Магеллан отправился в кругосветное плавание, а Эрнандо Кортес – на завоевание Мексики. И дело здесь не просто в заморской экспансии, а в формировании мирового рынка – внеевропейского экономического каркаса европейской системы государств. К семисотлетию юбилею Верденского договора (843 г.), похоронившего империю Карла Великого и давшего жизнь Франции Карла Лысого, Германии Людовика Немецкого и Италии Лотаря, уже сформировалась та мировая («атлантическо-индийская») основа, которая объективно, извне Европы и не политически, как Османы или Россия, а экономически подрывала имперское панъевропейское объединение.

Подрывала, но не могла остановить, исключить вообще. Любой европейский претендент на борьбу с Главным Контролером мирового рынка (в течение короткого периода времени – голландцами, а с XVIII в. – англосаксами) мог противопоставить ему прежде всего объединённую Европу. Так, с XVIII в. имперское объединение Европы стало, помимо прочего, функцией борьбы континентального противника Великобритании за контроль над мировым рынком, за гегемонию в мировой системе, т. е. имперски единая Европа стала постоянным ответом Франции, а затем и Германии британскому морскому и рыночному могуществу. И первым континенталом, бросившим вызов морскому могуществу был, конечно же, Людовик XIV.

От частного – к общему: подобию и различия шести попыток объединить Европу. Дехийо прав, сводя вместе шесть попыток имперского объединения континентальной Европы – Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера. И в то же время он не прав, поскольку попытки Карла V и Филиппа II отличались от того, что происходило позже. Карл и Филипп боролись за гегемонию в Европе и за объединение последней с другой континентальной державой – Францией. П. Кеннеди даже назвал вторую главу своего научного бестселлера «Взлёт и падение великих держав» (1989) «Габсбургские притязания на власть». Правда, его датировка – 1519-1659 гг., на мой взгляд, это стосорокалетие – активная фаза, но были также начальная и затухающая, поэтому правильнее фиксировать франко-габсбургскую борьбу 1477-1750 гг. (Версальский франко-австрийский договор) по сути оформивший антианглийский союз. Эта антифранцузская борьба была словно передана Габсбургам по наследству бургундским двором – главным и весьма успешным противником французской короны в XV в., который в истории Франции не случайно именуют «бургундским».

Габсбургско-(испанско-)английское противостояние в конце XVI в., история с «Армадой», при всей её важности – лишь эпизод. В XVI в. Англия ещё не была ни морской державой, ни империей. Таковой она стала в середине XVII в. (вехи здесь – первый Навигационный акт, 1651 г.; первая англо-голландская война, 1652-1654 и захват англичанами Ямайки в 1655 г.) и вот в этом качестве ей (и Голландии) и бросил впервые вызов Людовик XIV. Разумеется, конфликт между морским островным и континентальным принципами организации европейской политики вызревал именно с «Армады», однако вызревал медленно, пунктирно. Связанные с ним конфликты долгое время были вплетены в качестве лишь одного из элементов в главный – франко-габсбургский, национально-(монархическо-)имперский конфликт эпохи. Типичный пример – Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.).

В попытке Людовика XIV так много связано с франко-габсбургским противостоянием, что её можно считать промежуточным, переходным этапом от внутриконтинентальной борьбы за объединение континентальной Европы и борьбы за такое объединение в качестве стратегического элемента противостояния морской державе, борьбе с ней за мировую гегемонию. Ещё более сложно-промежуточный характер эпохе войн Людовика XIV придавали войны между

самими морскими державами – Англией и Голландией (1652-1654, 1665-1667, 1672-1674), завершившиеся победой Альбиона и «уходом» Льва из Голландии в Англию.

Первой по-настоящему континентально-морской европейской (мировой) схваткой, освобождённой от внутриконтинентального соперничества как главного, была Семилетняя война (1756-1763) – первый раунд англо-французского мирового противостояния. В то же время Семилетняя война была предпоследней крупной войной эпохи «Старого Порядка», т. е. эпохи XVI–XVIII вв. (Э. Леруа Ладюри назвал бы точные даты, по крайней мере, для Франции: 1610-1770 гг.) и, будучи принципиально новой, по-настоящему мировой войной, отрицающей этот порядок в значительной степени несла на себе его отпечаток (последней была война 1778-1783 гг.; в ней США, Франция, Испания и Нидерланды нанесли поражение Великобритании, которая впервые за весь XVIII в. на какое-то время утратила господство над морями. Однако, как повторил вслед за Мишелем Бенье Фернан Бродель, хотя Англия *«проиграла войну, но сразу же после этого выиграла мир...она не могла его не выиграть, потому что в её колоде уже были все главные козыри»*, т. е. она уже была ядром формирующейся капиталистической мир-экономики).

По названной выше «старопорядковой», традиционно-внутриконтинентальной линии Семилетняя война была всего лишь продолжением войны за австрийское наследство (1740-1748). Дело, однако, в том, что не эта линия, а мировая, континентально-морская была главной, но чётко зафиксировать эту новизну мешала эпоха, ещё скрывавшая новое содержание в старых формах. В связи с этим задачей следующей мировой войны была и отмена этой эпохи – так сказать, *«взять и отменить»*, что и было исполнено.

Полное обретение новым содержанием новой формы произошло во втором раунде англо-французского противостояния – во время революционных и Наполеоновских войн (1792-1815). Это уже был настоящий Модерн, а не архаика Старого Порядка, сметённого во Франции и ослабленного в значительной части Европы Великой Французской революцией, а затем её «экспортным вариантом» – Наполеоновскими войнами.

В них той или иной степени присутствует почти весь «набор» черт, с которыми мы сталкиваемся и в 1914-1918 годах и (во многом) в 1939-1945: промышленная эпоха, военно-стратегическая роль России, стремление континентальных держав поставить под контроль «точку соединения» Африки и Азии как стратегический пункт на пути к британской Индии. И действительно, с Наполеоновских войн Ближний Восток становится одним из театров военных действий мировых войн, т. е. функциональной, вынесенной за пределы самой Европы зоной борьбы за господство в Европе. Причина проста – Индия, которая начала играть огромную роль для Великобритании как раз в период между Семилетней и Наполеоновскими войнами. Дело в том, что, во-первых, в середине XVIII в. стали вырабатываться бразильские золотые шахты и в 1760-е годы существенно уменьшился приток в Англию золота, и англичанам пришлось активизировать свою деятельность в Индии. Во-вторых, откололись североамериканские колонии, что стало концом первой Британской империи.

Ближний Восток – геоисторический Золотой Квадрат. Ближний Восток всегда имел важное стратегическое значение для Старого Света. Здесь проходили три главных исторических пути-коридоры с запада на восток, из Европы и Африки – в Азию, из Средиземноморья – к Индийскому океану, в сердце Азии и далее, в Китай.

Самый северный, левантский: Эгейское море – Чёрное море – «хазарские пути» – Средняя Азия (Шёлковый путь); средний: Сирия – Месопотамия – Персидский залив. Отсюда можно было плыть по морю аж до Китая, а можно было по «багдадской ветке» Шёлкового пути через Хамадан, Нишапур, Мерв попасть в Центральную Азию – Бухару, Фергану, Кашгар – и двигаться в Китай посуху. Наконец, южный коридор: Нил – Красное море и – *«ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет»* (в сторону Индии).

Тот, кто владел «коридором» или, тем более, «коридорами», контролировал поток товаров и людей и почти автоматически получал власть над макрорегионом. И наоборот, любой претендент на власть прежде всего стремился захватить контроль над «коридорами».

Таким образом, относительно небольшая территория (квадрат, углы которого образовали Южное побережье Чёрного моря и северные побережья Персидского залива и Каспийского и Красного морей) оказывалась золотой в прямом смысле слова, Золотым Квадратом, а иногда – Золотым Ромбом. И не случайно эта зона «коридоров» была постоянным местом и возникновения систем имперского типа, и борьбы между ними. Причём борьба шла за то, чтобы захватить все три «коридора», стать Властелином коридоров или, по крайней мере, среднего и южного.

Борьба за пути-коридоры развернулась намного раньше, чем исторические области, которые они связывали, превратились в устойчивые региональные системы обмена (и производства). Ни одной державе не удавалось установить сколько-нибудь эффективный и длительный контроль над тремя коридорами сразу, над всем Золотым Квадратом. Кое-кому удавалось контролировать два коридора из трёх. Но чаще работал принцип «один коридор – одна держава».

Трудно сказать, была ли вызвана знаменитая война древних египтян и хеттов конца XIV в. до н. э. с не менее знаменитой битвой при Кадеше (1312 г. до н. э.), в которой сошлись фараон Рамзес II и царь Муваталли, борьбой именно за «коридоры», но по крайней мере один из них был объектом борьбы.

На рубеже VIII–VII вв. до н. э. Ассирия попыталась поставить под контроль средний и южный «коридоры», но всерьёз не преуспела. Большого успеха добились персы, сменившие ассирийцев в качестве гегемонов ближневосточного мира. Они не только захватили средний и южный «коридоры», но и пытались контролировать северный, разбив, однако, лоб о скифско-греческую «стену». И всё же именно персы первыми сделали заявку на «трёхкоридорную гегемонию».

Ещё дальше пошёл Александр Македонский. Он не только включил все три пути в одну имперскую структуру, но также попытался захватить долину Инда. Однако всё это продлилось один исторический миг и рухнуло. Эллинистические монархии, возникшие в результате войн диадохов, почти точно совпали с тремя «коридорами», а развернувшаяся борьба между Птолемеями (Лагидами) и Селевкидами велась, по сути, за контроль над путями, соединявшими две части Старого Света, две части Евразии.

Даже Римская империя не смогла установить длительную и эффективную «трёхкоридорную гегемонию» – Парфия, а затем Сасаниды лишили их среднего (месопотамско-персидского) «коридора». Умайяды и Аббасиды какое-то время тоже контролировали два из трёх «коридоров». Однако с утратой единства окончилась и «двухкоридорная гегемония». Что интересно, раскол опять же произошёл по «коридорной линии», противопоставив друг другу Багдад и Каир как двух «контролёров» различных путей.

Таким образом, осью «войны миров» на стыке Европы и Азии, у «горла Азии» была борьба за «коридоры». И если мы взглянем на XIX–XX вв., то увидим, что даже в капиталистическую эпоху, от египетского похода Наполеона (1798-1801 гг.) и восточного вопроса с Крымской войной (1853-1856 гг.) до Суэцкого кризиса (1956 г.) и войны в Заливе (1991 г.), очень важная ось мировой политики проходит там, где её увидели персы два с половиной тысячелетия назад.

И если сегодня к «коридорному» фактору Ближнего Востока добавились нефть и арабо-израильский конфликт, то в конце XVIII в. весомой «добавкой» к Ближнему Востоку стала Индия. Отсюда – экспедиция Бонапарта в Египет на рубеже XVIII–XIX вв., немецкая железная дорога Берлин – Багдад на рубеже XIX–XX вв. и многое другое, начало чему положило англо-французское мировое соперничество вообще и их вторая фаза, Наполеоновские войны в частности.

Суммируя, можно сказать, что шесть схваток за власть в Европе, которые Дехийо поставил в один ряд и у которых, действительно, много общего (например, каждое последующее поражение континентала от его морского соперника было более жестоким и сокрушительным, по нарастающей – Людовик XIV, Наполеон, Вильгельм II, Гитлер. Казалось, страшнее поражения Гитлера ничего не может быть; теперь, пережив крушение СССР, мы знаем, что это не так, возможен полный геоисторический, социосистемный, а не просто державный разгром), суть явления разнопорядковые. Три из них – Наполеоновские войны (упомяная Семилетнюю войну Дехийо не рассматривает её отдельно), войны 1914-1918 и 1939-1945 – мировые; первые три схватки, инициаторами которых выступили Карл V, Филипп II и Людовик XIV мировыми войнами не являются. В то же время и между этими войнами существует серьёзное различие. Так, Габсбурги Карл V и Филипп II боролись против другой континентальной державы. Под определённым углом зрения двух этих королей можно объединить в рамках попытки европейско-заморской континентальной державы Испании поставить Европу под контроль; под другим углом зрения, империи Карла и Филиппа весьма отличаются друг от друга. Империя Карла скорее устремлена в прошлое, подводит его итог, стремясь завершить средневековую эпоху франкского Запада тем, чем он её начал – европейской империей Карла Великого. А вот империя Филиппа – это уже мировая военно-торговая империя раннего Нового времени, первая в истории, первая в истории, над которой после аннексии в 1580 г. Португалии и её заморских владений действительно не заходило солнце. У неё намного более мощная и богатая основа. После того, как в 1545 г. открыли серебро Потоси, пишет Ч. Киндлбергер в работе «Мировое экономическое первенство» (Kindleberger Ch. World economic primacy, 1500-1900. N.Y., Oxford: Oxford univ. press, 1996), ежегодный объём производства вырос с 2,9 млн. унций (1544 г.) до 10 млн. за последующие 15 лет и до 13,6 млн. за первые 20 лет XVIII в. Именно мощный приток серебра с середины 1560-х годов и победа при Лепанто позволили Филиппу II начать борьбу за возвращение Фландрии Габсбургам и Испании – восьмидесятилетнюю войну 1568-1648 гг., последние тридцать лет которой приходится на Тридцатилетнюю войну (1618-1648 гг.).

А вот Людовик XIV, воюя почти со всей Европой и прежде всего с Габсбургами, бросил вызов и морской Европе – Голландии и Англии, которая и сокрушила его, создав антифранцузский союз и подорвав к 1713 г. «старую» Францию (с Англией в середине XVIII в. и уж тем более в начале XIX в. схватилась уже другая, «новая» Франция). Фигура Вильгельма Оранского, который сплёл сеть для (против) Людовика, и вообще заложил островную (английскую) традицию мастерства создавать континентальные коалиции и воевать со своими противниками чужими руками – голландца, ставшего английским королём Вильгельмом III, сверхсимволична. Как и тот факт, что символ Нидерландов – лев (см., например, карты Нидерландов 1648 г. Николаса Висшера и Питера ван ден Кеере, на которых этой стране приданы очертания льва) прыгнул за море и навсегда стал английским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.